

Цзян Шоуянь не ответил. Он лишь опустил голову и отпил глоток плодово-ягодного вина. Оно было кисло-сладким и освежающим. Вино для коктейля охладили заранее, и теперь его фруктовый аромат переливался на языке и в горле.

Знойный вечерний ветер гулял по сонному Иберийскому полуострову. В ночной тишине уголок двора замер, напоминая картину маслом, написанную в тёмных тонах. Чэн Цзайе молча созерцал склонённую шею Цзян Шоуяня. Он знал, что вопрос о мысе Рока был тем самым приглашением, которого он ждал, — по-особенному неторопливым и иносказательным, в стиле Цзян Шоуяня. Но ему хотелось услышать больше. Он подсел чуть ближе. Когда Цзян Шоуянь посмотрел на него, Чэн Цзайе с улыбкой спросил:

— Цзян Шоуянь, ты хочешь поехать? Хочешь поехать со мной?

Когда Чэн Цзайе вот так наклонялся и улыбался, это легко кружило голову. Его глаза были слишком красивыми — казалось, в них плещется вся нежность мира, та самая, что бывает лишь у любовников в моменты близости. В таком взгляде можно утонуть без остатка.

Но его визави был Цзян Шоуянь. Тот самый человек, который умеет одним взглядом, не произнеся ни слова, заставить беспрекословно подчиняться. Прямо как с той каплей вина у уголка губ. Цзян Шоуянь ничего не сказал, но Чэн Цзайе просто не смог удержаться и не стереть её.

В коктейль добавили немного бренди. Видимо, Цзян Шоуянь не привык к такому крепкому алкоголю — его глаза подёрнулись дымкой и слегка прищурились. Прохладное дыхание стало ещё ближе. Идеальный миг свежести на стыке заката и ночной тьмы.

— А ты как думаешь? — Цзян Шоуянь помедлил и заметил, как слегка дернулся кадык Чэн Цзайе. — Хочу или нет?

Хотя пил не он, Чэн Цзайе почувствовал, как у него горят мочки ушей. Сердце забило в ритме дыхания — часто, беспокойно, почти невыносимо. Он сглотнул, его голос стал хриплым:

— Думаю, хочешь.

Цзян Шоуянь послушно повторил за ним:

— Хм, я хочу. — Он улыбнулся и добавил: — Хочу поехать с тобой.

Чэн Цзайе не зря был душой компании. Стоило ему пропасть из виду на минуту, как Пауло начинал его звать. В этих выкриках Цзян Шоуянь услышал своё имя и машинально посмотрел в сторону барной стойки. Когда Цзян Шоуянь отвернулся, Чэн Цзайе схватил две льдинки, сунул их в рот и разгрыз. Жар внутри немного утих, и он, под аккомпанемент бешеного стука сердца, протяжно выдохнул струю холодного воздуха.

Окончательно стемнело. Над головами раскинулось бескрайнее звёздное небо. Пауло выпил столько, что вино уже стояло в горле, но всё равно умудрился впихнуть в себя последние кусочки жареного морского окуня. Он так объелся, что его лицо тут же исказилось в гримасе. Мартим, потирая виски, которые ныли после их с Пауло соревнований, фыркнул:

— (Чтоб ты лопнул!)

— (Последние кусочки нельзя оставлять, грех выбрасывать...) — с непоколебимой уверенностью начал Пауло, но договорить не успел: его глаза округлились, он зажал рот рукой и бросился к туалету. Пауло стошнило так сильно, что сил идти домой у него не осталось. Он капризно потребовал оставить его в гостевой комнате Чэн Цзайе. Мартим, боясь, что пьяный друг ночью подожжёт дом, решил остаться с ним. Остальных либо кто-то забрал, либо они ушли пешком, потому что жили неподалёку. После взаимных прощаний во дворе стало тихо.

В этой тишине Цзян Шоуянь, прислонившийся к колонне веранды, казался ещё более одиноким в свете настенных лампы. Они висели через равные промежутки, тусклым жёлтым светом выхватывая лишь общие контуры. Цзян Шоуянь стоял в тени между ними, неспешно раскуривая сигарету.

Чэн Цзайе взял ключи от машины и вышел из гостиной. Он некоторое время искал Цзян Шоуяня взглядом, пока наконец не заметил его силуэт. Тот словно слился с ночью, живой казалась лишь ярко-оранжевая искорка в его пальцах. Чэн Цзайе на мгновение замер, но опомнился, когда Цзян Шоуянь повернул голову. Он сделал несколько шагов к нему и сказал:

— Пойдём, я отвезу тебя домой.

Машина простояла на открытой парковке весь день и стоило открыть дверь, как в лицо ударил горячий воздух. Чэн Цзайе включил кондиционер, а Цзян Шоуянь сел и пристегнулся. Машина медленно выехала из ворот. Жёлтый свет фонарей ритмичными полосами мелькал на лице Цзян Шоуяня. Мужчина выглядел измотанным — то ли из-за алкоголя, то ли от глубокой усталости. Он достал сигарету из пачки и покрутил её перед глазами Чэн Цзайе:

— Не против?

Чэн Цзайе взглянул на него и, убрав левую руку с руля, нажал на кнопку стеклоподъёмника. Ночной ветер взъерошил мягкие волосы Цзян Шоуяня, до Чэн Цзайе долетел запах табачного дыма. На светофоре загорелся красный. Чэн Цзайе остановил машину и задал вопрос, который не давал ему покоя с самого выезда из дома:

— Цзян Шоуянь, ты чем-то расстроен?

Тот положил руку на край окна и медленно стряхнул длинный столбик пепла. Казалось, он удивлён вопросом — его брови выразительно взметнулись вверх:

— Почему ты так решил? Потому что я слишком молчалив?

Цзян Шоуянь почти всегда был немногословен, но Чэн Цзайе чувствовал, что его нынешнее молчание отличается от того, что было днём. Можно сказать, что между его дневным и ночным состоянием существовал едва уловимый диссонанс. Этот надлом было трудно заметить: стоило ему проявиться, как Цзян Шоуянь тут же мастерски его скрывал.

Свет фар скользнул по запястью, лежащему на подлокотнике. Цзян Шоуянь щедро протянул сигарету Чэн Цзайе — не слишком близко: нужно наклониться, чтобы дотянуться. Цзян Шоуянь с улыбкой спросил:

— Хочешь?

Чэн Цзайе уставился на тонкую сигарету. В голове всплыл образ Цзян Шоуяня в том баре. Его мысли спутались, и через мгновение он почувствовал слабый вкус вина и горечь табака. Сигареты Цзян Шоуяня оказались горьковатыми.

Чэн Цзайе слегка нахмурился и проследил взглядом за рукой Цзян Шоуяня, когда тот забирал сигарету обратно. Огонёк вспыхнул ярче при затяжке, Цзян Шоуянь отвернулся и выдохнул дым. Светофор уже давно сменил цвет, но пристальный взгляд, направленный на него, не сдвинулся ни на миллиметр.

— Зелёный, водитель Чэн, — негромко напомнил Цзян Шоуянь, в его голосе прозвучала усмешка.

Чэн Цзайе молча отвёл взгляд. В голове всё ещё стоял образ приоткрытых губ Цзян Шоуяня, когда тот затягивался сигаретой.

Десятиминутная поездка пролетела незаметно. Цзян Шоуянь вышел из машины, поблагодарил и попрощался. Он медленно поднялся на второй этаж. В тот миг, когда за ним закрылась дверь и его окутала темнота, улыбка сползла с его лица. Последние капли жизненной энергии словно испарились.

Цзян Шоуянь быстро утомлялся. Казалось, у его бодрости был срок годности: с наступлением

темноты он становился необъяснимо вялым. При этом он мастерски контролировал свои чувства: даже на пределе сил сохранял безупречную улыбку, пока не оказывался в одиночестве.

Цзян Шоуянь не стал зажигать свет. Сделав пару шагов, он рухнул на диван и какое-то время безучастно смотрел в потолок. Затем поднялся и распахнул узкое окно в гостиной. Прислонившись спиной к подоконнику рядом с двумя вазами подсолнухов, он закурил.

Издали доносился мерный рокот волн. Цзян Шоуянь доставал из пачки и выкуривал одну сигарету за другой. Он не заметил, что после того, как он поднялся к себе, снизу так и не донёсся звук уезжающего автомобиля. Не увидел он и высокую фигуру неподалёку, когда открывал окно.

Чэн Цзайе стоял под фонарём, задрал голову. Ветер раздувал и без того широкую футболку Цзян Шоуяня. Тот казался совсем хрупким и невесомым, будто мог в любой момент сорваться с окутанного дымом подоконника. Чэн Цзайе увидел ту сторону Цзян Шоуяня, которую тот не показывал никому: одиночество и тревогу, спрятанные за маской ленивого молчания, а также едва уловимую, таящуюся в ночной мгле склонность к саморазрушению.

Он не собирался шпионить. Просто хотел дождаться, когда в окне зажжётся свет, прежде чем уйти. Вечернее поведение Цзян Шоуяня показалось ему странным, и он не находил себе места от беспокойства.

Чэн Цзайе обошёл дом и встал у уличного фонаря. Прошло двадцать минут, прежде чем Цзян Шоуянь открыл окно в гостиной и принялся курить сигарету за сигаретой. Чэн Цзайе понял: оставлять его в таком состоянии одного нельзя. Но также осознавал, что подняться сейчас к нему и поговорить лицом к лицу — не лучшая затея. Он отошёл на пару шагов и сел на траву, скрывшись в тени густых кустарников. Затем достал телефон и набрал номер Цзян Шоуяня. Тот взял трубку почти сразу. Прошло ровно столько времени, сколько нужно, чтобы достать телефон из кармана, посмотреть на имя на экране и провести пальцем для ответа.

— Алло, Чэн Цзайе.

Голос Цзян Шоуяня звучал ровно. Если бы Чэн не стоял сейчас под его окнами, наблюдая это

почти невротическое курение, он бы наверняка повёлся на это спокойствие. В мыслях был беспорядок. Не зная, что сказать, он выдумывал на ходу:

— Я уже дома. Пауло вырубился на диване, Мартим только что уволок его наверх, — Чэн Цзайе врал без запинки. — А ты? Уже лёг?

Цзян Шоуянь не уступал ему в убедительности:

— Ещё нет. Только вышел из душа, собираюсь ложиться.

Оба по какому-то негласному уговору замолчали. В ночной тишине Цзян Шоуянь отчётливо слышал тяжёлое, размеренное дыхание на другом конце провода. Он затушил недокуренную сигарету и повернулся, облокотившись на раму. Он смотрел на тусклый фонарь через дорогу, а затем его взгляд бесцельно скользнул по кустам неподалёку. Он услышал едва уловимый стрекот сверчков — то ли в трубке, то ли где-то в траве. Дыхание собеседника на миг замерло, а затем тот очень серьёзно позвал его по имени:

— Цзян Шоуянь.

Тот немного отвлёкся:

— Да.

Чэн Цзайе вдруг вполголоса произнёс:

— Ты мне нравишься.